

СКРИП В ДАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

no way

Скрип в дальней комнате

<https://litres.ru/74305067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый викторианский особняк на холме, купленный за бесценок, казался Мэтту Хатсону идеальным убежищем от прошлого. Но дом, пустовавший пятнадцать лет, не собирался оставаться просто безмолвным свидетелем его одиночества.

Содержание

Глава 1: Дом милый дом	4
Глава 2: Гость	23
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Скрип в дальней комнате

Глава 1: Дом милый дом

Серый седан Мэтта Хатсона, покрытый дорожной грязью двух штатов, словно панцирем, тащился по разбитому асфальту, взбираясь на пологий холм. Подвеска жалобно стояла на каждой выбоине, а дворники размеренно скребли по лобовому стеклу, размазывая мелкую морось. За последние восемь часов пути пейзаж за окном сменился с безликих междугородних трасс на густые, влажные леса, которые теперь смыкались над машиной, словно живые, образуя туннель из набухших влагой ветвей. Мэтт сжимал руль побелевшими пальцами, чувствуя, как вибрация от неровной дороги отдается в позвоночнике, в запястьях, в висках. Каждая миля давалась ему тяжелее предыдущей, и не только из-за физической усталости — с каждым пройденным километром он все глубже погружался в собственные мысли, мрачные и липкие, как эта осенняя морось. Он скосил глаза на навигатор, прикрепленный к лобовому стеклу. Женский голос, который он мысленно проклинал последние двести миль, равнодушно объявил: «Через триста метров пункт назначения будет справа». Мэтт вздрогнул, словно от удара током. Пункт назначения. Его новый дом. Место, где он планировал начать новую жизнь — или, вернее, спрятаться от старой. Он сбавил

скорость почти до пешеходной, вглядываясь в серую пелену дождя. Дорога, петлявшая среди набухших влагой дубов и старых, растрескавшихся кленов, здесь, на вершине, расступалась, открывая вид на долину. Где-то там, в серой дымке, прятался Битвуд — не город, а скорее клякса на карте, место, которое он выбрал для исчезновения. Исчезнуть от всего: от сочувственных взглядов коллег, от неловких вопросов друзей, от пустой квартиры, где каждая вещь все еще хранила запах Сары. Сара... Он тряхнул головой, отгоняя непрошеное воспоминание. Хватит. Он едет в новую жизнь. В жизнь, где нет ничего, кроме работы и тишины. Тишина — вот что ему сейчас нужно. Слева, из тумана, выплыла табличка. Старая, выцветшая доска с облупившейся краской, криво прибитая ржавыми гвоздями к стволу дуба-исполина. Надпись «Пригород Битвуда» читалась с трудом, буквы стерлись и поблекли. Чуть ниже кто-то прикрутил самодельную жестянку: «Тупик». Мэтт криво усмехнулся. Тупик. Символично. Его собственная жизнь после того, как бракоразводный процесс завершился, ощущалась именно так: тупик. Программист в крупной компании, он мог работать удаленно, и эта опция стала его спасательным кругом. Чем дальше от Сан-Франциско, от их любимого кафе на углу, от парка, где они гуляли по выходным, от их общей квартиры, — тем лучше. Битвуд был идеален. Точка на карте, лишенная каких-либо ассоциаций, воспоминаний, привязок. Чистый лист. Или, как выражался риелтор, «уникальная возможность для ценителей ис-

торического наследия». Он повернул направо, на узкую, засыпанную гравием дорогу, которая вела еще выше, прочь от последних признаков цивилизации. Ветви деревьев смыкались над машиной, образуя почти туннель, сквозь который пробивался рассеянный, зеленоватый свет. Дома здесь если и встречались, то прятались за плотными рядами подлеска, как стеснительные звери, — Мэтт заметил пару покосившихся почтовых ящиков, заросших плющом, и один раз мелькнул просвет, в котором виднелась крыша, крытая ржавой жестью. А потом лес расступился в последний раз, словно раздвинулся театральный занавес, и Мэтт увидел его. Дом. «Огромный» — было бы преуменьшением. Это был монстр викторианской эпохи, застывший во времени, словно окаменелость, выброшенная на берег реки времени. Три этажа темного кирпича и дерева, почерневшего от сырости и десятилетий, возвышались над поляной, словно склеп. Островерхая крыша, пронзающая низкое небо, была усеяна слуховыми окнами, похожими на подслеповатые глаза, а центральная башенка с коническим шпилем примыкала к левому крылу. Ее узкие, высокие окна, забранные мутным, пузырчатым стеклом, смотрели на подъездную дорожку с каким-то усталым, всезнающим выражением, словно дом уже видел все на свете и ничему не удивлялся. Широкая веранда опоясывала первый этаж, поддерживаемая массивными резными колоннами, украшенными орнаментом из виноградных лоз и каких-то мифических существ — грифонов или

горгулий, Мэтт не разобрал. Некогда белая краска на колоннах висела лохмотьями, обнажая серое, потрескавшееся дерево, изъеденное жучком. Вьющиеся растения, давно мертвые и почерневшие, оплетали перила, словно окаменевшие змеи. Крыша местами просела, и водосточные трубы, оторванные от стен, сиротливо свисали вдоль фасада. Мэтт медленно, словно загипнотизированный, повел машину по гравиевой дорожке, которая огибала огромный, заросший сорняками газон. Камешки под колесами хрустели с костяным звуком, напоминающим хруст суставов, и этот звук эхом отдавался в тишине. Сделка была закрыта онлайн, после беглого видео-тура от риелтора — молодого парня по имени Кайл с фальшивой улыбкой и бегающими глазами, который явно хотел поскорее сбыть этот «объект культурного наследия» с рук. Цена была смехотворной для такой площади — чуть меньше, чем однокомнатная квартира на окраине Сан-Франциско. «Требуется любящих рук», — щебетал Кайл в трубку, когда Мэтт задавал вопросы о состоянии коммуникаций. «Простор, свет, история — что еще нужно творческому человеку?» Теперь, глядя на покосившуюся веранду и почерневший кирпич, Мэтт понимал, что означали эти эвфемизмы. Он заглушил двигатель. Тишина, обрушившаяся на него, была почти осязаемой, густой, как сироп. Густой, влажный воздух, пахнувший прелой листвой, влажной землей и чем-то еще — сладковато-землистым, с едва уловимой ноткой дыма, словно где-то глубоко под домом тлел древний, ни-

когда не гаснущий костер, — заполнил салон, едва он открыл дверь. Мэтт выбрался наружу, размял затекшую спину, хрустнув позвонками, и глубоко вдохнул. Воздух был холодным, сырым, пробирающим до костей, но в то же время каким-то... живым. Он пах лесом, грибами, мокрой корой, и в этом запахе было что-то первобытное, дикое, чего Мэтт не ощущал уже много лет. Дом нависал над ним, и ощущение было такое, будто он не просто разглядывает человека, а сканирует само пространство вокруг. Окна второго этажа, темные и пустые, отражали лишь серое небо, создавая иллюзию, что внутри кто-то стоит и смотрит. И этот кто-то ждал. Ждал долго. Он поднялся на веранду. Ступени, выщербленные и покрытые мхом, жалобно закрипели под его весом, и эхо от этого скрипа прокатилось по всему дому, словно предупреждение, переданное из комнаты в комнату. Ключ — тяжелый, старинный, с замысловатой бородкой, холодный и скользкий — с трудом провернулся в замке. Дверь, массивная, дубовая, с витражной вставкой, изображавшей какой-то цветочный орнамент, отворилась с протяжным, низким стоном, словно нехотя впуская его. Изнутри пахнуло холодом и спертым, застоявшимся воздухом, в котором смешались запахи старого дерева, пыли, высохшего лака, нафталина и того самого сладковато-землистого духа, что и снаружи. Но теперь к нему добавился еще один слой — запах сырости, идущий откуда-то снизу, и легкий, едва уловимый аромат... роз? Ландышей? Каких-то старых духов, выветрившихся, но

оставивших свой след в стенах. Просторный холл встречал его полумраком. Свет с трудом пробивался сквозь грязные витражи над дверью и немытые окна гостиной, ложась на пол бледными, разноцветными пятнами — красными, синими, желтыми. Пятна эти дрожали от движения ветвей за окном, и казалось, что на полу танцуют призраки. Справа уходила вверх широкая лестница с темными деревянными перилами, украшенными резными балясинами в виде дубовых листьев. Ступени, застеленные вытертым ковром с восточным узором — когда-то, вероятно, бордовым, а теперь серо-бурым, — исчезали в темноте второго этажа. Темнота эта была не просто отсутствием света; она казалась почти физической, плотной, нежелающей отступать даже днем. Она клубилась на верхней площадке, как дым, и Мэтту на мгновение показалось, что оттуда на него кто-то смотрит. Он тряхнул головой и отогнал наваждение. Слева зиял проход в гостиную, откуда виднелся огромный, словно зев пещеры, камин, обложенный черным мрамором, украшенным по краям резными грифонами с отбитыми клювами. Прямо по коридору темнела арка, ведущая на кухню. Со стен, оклеенных выцветшими обоями в полоску, на него таращились пустые крюки от картин — темные, словно следы от когтей. Под ногами скрипел дубовый паркет, уложенный «елочкой», кое-где разохшийся и вздыбленный, кое-где проваливающийся при шаге. Мэтт сделал несколько шагов, и эхо от его шагов разнеслось по дому, заметалось между стен, затихло где-

то в отдалении. Он медленно обошел первый этаж, чувствуя себя незванным гостем на чужой территории. Гостиная была огромной, с высокими, лепными потолками, на которых сохранились остатки позолоты и следы от протечек — темные разводы, напоминающие карты неведомых континентов. Тяжелые портьеры на окнах, тронутые плесенью по углам, свисали, как саваны, и при малейшем движении воздуха колыхались, словно живые. Мэтт провел рукой по каминной полке — массивной мраморной плите, холодной как лед, — и на пыльной поверхности остался четкий след, единственное доказательство того, что здесь кто-то был за последние годы. Рядом с камином стояла старая кочерга, изъеденная ржавчиной, и щипцы для угля. На полке лежала забытая кем-то трубка — пенковая, пожелтевшая, с обкусанным мундштуком. Затем последовала столовая — мрачная комната с такой же массивной, темной мебелью, оставленной прежними владельцами. Тяжелый овальный стол, покрытый слоем пыли толщиной в палец, был накрыт скатертью, которая когда-то была белой, а теперь стала серой, с желтыми пятнами от пролитого вина. Стулья с высокими резными спинками, стоящие в чехлах, напоминали погребальные саваны, и Мэтт невольно поежился, представив, как за этим столом сидят невидимые сотрапезники. Громоздкий буфет со стеклянными дверцами был заставлен хрусталем, покрытым вековой грязью, — бокалы, графины, салатницы, — и на одной из полок, прислоненная к стенке, стояла одинокая фар-

форовая кукла с отбитой рукой. Ее стеклянные глаза, казалось, следили за каждым его шагом, и куда бы Мэтт ни перемещался, взгляд куклы следовал за ним. Он подошел ближе и увидел, что у куклы нет не только руки, но и половины лица — фарфор был сколот, обнажая темную пустоту внутри. Мэтт поспешно отвернулся и вышел из столовой. Кухня оказалась чужеродным организмом, приросшим к телу дома позже, — царство бледно-зеленого пластика, линолеума в шахматную клетку и металлических шкафчиков. Эта смесь стилей вызывала когнитивный диссонанс, но здесь, как ни странно, пахло менее затхло, и воздух казался более свежим. На стене над раковиной висела старая алюминиевая ложка, подвешенная на гвоздик, и тихо покачивалась, хотя сквозняка не чувствовалось. Мэтт заметил это краем глаза, но не придал значения. Он открыл холодильник — старый «Дженерал Электрик» с закругленными углами, — внутри было пусто и холодно, но пахло чем-то кисловатым, и на стеклянной полке лежала забытая кем-то скрепка. Мэтт выбросил скрепку в мусорное ведро, которое стояло тут же, пустое, но покрытое изнутри ржавыми потеками. Он вернулся в холл и заставил себя подняться наверх. Каждая ступенька встречала его новой нотой — низкой, жалобной, иногда почти человеческой. Звуки складывались в жутковатую мелодию, словно дом играл на расстроенном органе. На втором этаже располагались четыре спальни и старая ванная комната. Ванна на львиных лапах была покрыта сетью микротрещин, из ко-

торых сочилась ржавчина, а пожелтевшее зеркало в полный рост отразило его — бледного, уставшего мужчину с темными кругами под глазами. Отражение показалось ему чужим, каким-то размытым, словно он смотрел сквозь мутную воду. Мэтт подошел ближе и провел пальцем по поверхности зеркала, стирая пыль. Его лицо стало четче, но выражение глаз осталось странным, затравленным. Он смотрел на себя и не узнавал. В спальнях было пусто, если не считать ключев старых обоев и стойкого запаха нафталина. В одной из комнат, угловой, с окнами на обе стороны, он решил устроить кабинет. Отсюда открывался вид на подъездную дорожку и на бесконечное море леса, из которого доносился лишь шум ветра. На подоконнике лежала мертвая муха, и Мэтт смахнул ее ладонью. Последним был третий этаж, куда вела узкая, скрипучая лестница с шаткими перилами. Там располагались комнаты прислуги — две крошечные каморки под самой крышей. Здесь было сухо и неожиданно тепло, пахло деревом и пылью. Мансардные окна смотрели прямо в небо, затянутое серыми облаками. На стене одной из комнат, прямо на обоях, были нацарапаны чьи-то инициалы «А.К.», окруженные неровным сердечком. Он провел по ним пальцем: царапины были старыми, но глубокими, словно их вырезали ножом. Под инициалами виднелись еще какие-то буквы, почти стертые, — «Л.», «М.», или, может быть, «Е.». Мэтт не смог разобрать. Тишина на этом этаже была абсолютной, звенящей, нарушаемой лишь стуком его сердца. Он посто-

ял там еще минуту, чувствуя, как по спине бегут мурашки, и быстро спустился вниз. Спустившись, он открыл входную дверь и приступил к разгрузке. Его жизнь уместилась в картонные коробки с маркировкой «Кухня», «Спальня», «Код», «Книги», «Инструменты», «Всякая фигня». Он методично таскал их в дом, ставя в холле. Каждый шаг гулким эхом разносился по пустым комнатам, и каждый раз, возвращаясь к машине за новой коробкой, он чувствовал на себе взгляд — взгляд темных окон. Один раз ему показалось, что эхо вернулось чуть искаженным, будто к его шагам добавился еще один, лишний, но он списал это на акустику. «Старые дома так устроены, — сказал он себе. — Звук отражается от стен неравномерно, создавая иллюзию». Он был программистом, он привык доверять логике. Закончив с коробками, он занес два тяжелых монитора, системный блок и ноутбук. Работа — его единственная константа, его якорь в реальности — должна была быть налажена в первую очередь. Обустройство он начал с кухни. Это была попытка укротить хаос, приручить чужое пространство. Шипение новенькой кофемашины, которую он распаковал и подключил, прозвучало в этой тишине почти кощунственно, как вторжение в сакральное пространство. Но запах свежего кофе немного разогнал спертый воздух прошлого, наполнил кухню современным, бодрящим ароматом. Мэтт с наслаждением вдохнул его. Затем он перенес коробки с одеждой в самую светлую спальню на втором этаже — ту, что выходила окнами

на задний двор, — и собрал каркас своей кровати. Матрас пока лежал прямо на полу, и Мэтт подумал, что это даже к лучшему: так он чувствовал себя ближе к земле, устойчивее. Кабинет он оборудовал минимально: стол, собранный из IKEA-пазла, два монитора, системный блок. Провода, словно черные змеи, опутали угол, лишая комнату ее старомодного очарования. Мэтт подключил удлинители, и холодный белый светодиодный свет залил часть стены, создавая резкий контраст с теплым, умирающим светом дня за окном. Интернет-кабель он нашел в подвале. Спуск в подвал был отдельным испытанием. Дверь находилась в коридоре за кухней, и когда Мэтт открыл ее, в нос ударил запах сырой земли, плесени и чего-то металлического — ржавчины, наверное. Ступени, вырубленные в камне, уходили вниз, в темноту, и свет из кухни едва освещал первые несколько футов. Мэтт включил фонарик на телефоне и начал спускаться. Воздух становился холоднее и тяжелее с каждой ступенькой. Внизу, в котельной, стояла древняя печь — чугунный монстр с открытой пастью топки, похожий на спящего дракона. Стены были сложены из грубого камня, покрытого паутиной и высолами. На земляном полу валялись обрывки старых газет и ржавые инструменты. В углу, среди труб и вентилях, Мэтт нашел распределительную коробку и интернет-кабель, аккуратно проложенный кем-то из прежних жильцов или риелтором. Модем, оставленный Кайлом, лежал тут же, на полке, и, когда Мэтт воткнул кабель в гнездо, замигал зелеными

огоньками. Связь с миром была установлена. За этими хлопотами незаметно прокрался вечер. Серый день за окнами сгустился в чернильную тьму, такую густую, какой Мэтт никогда не видел в городе. Тишина в доме стала не просто отсутствием звуков, а самостоятельной, давящей сущностью. Дом словно прислушивался к его шагам, к скрипу половиц, к его дыханию. Каждый раз, когда Мэтт замолкал, тишина наваливалась на него, как физическая тяжесть, и ему приходилось делать над собой усилие, чтобы пошевелиться, издать какой-нибудь звук, разбить это безмолвие. В животе заурчало. Еды не было. Он вспомнил про забегаловку, которую видел по пути, — захудалое строение с мигающей неоновой вывеской «Пицца» примерно в километре от подножия его холма. Идея была не из приятных — выбираться в эту непроглядную сырость, — но голод победил. Мэтт накинул куртку, взял ключи и вышел на крыльцо. Ночной воздух был холодным и влажным, пробирающим до костей. Лес вокруг дома стоял черной стеной, и где-то в его глубине ухала сова — протяжно, тоскливо, словно оплакивая что-то. Старый седан нехотя завелся, и свет его фар разрезал тьму, высветив мокрые стволы дубов и клубящийся над дорогой туман. Пиццерия называлась «У Эрла». Это был приземистый вагончик с облупившейся краской, парой пластиковых столов снаружи и светящимся, как маяк для заплутавших душ, окном. Внутри висел тяжелый запах прогорклого масла и старого сыра. За стойкой стоял сам Эрл — крупный мужчина с се-

дой щетиной и руками, словно навечно впитавшими муку. Он методично раскатывал тесто, не глядя на вошедшего.— Недавно переехал? — спросил Эрл, не отрываясь от работы. Голос у него был низкий, с хрипотцой.— Сегодня, — ответил Мэтт, разглядывая меню, написанное мелом на доске. — Дайте большую «Мясную», пожалуйста.— В тот, что на холме? Дом Хэмптонов?— Не знаю, как он назывался. Большой, старый, с башенкой. Эрл замолчал, перевернул тесто, посыпал мукой. Когда он заговорил снова, его голос звучал как-то иначе, почти безразлично, но слишком нарочито:— Хороший дом. Крепкий. Давно пустовал. Больше он ничего не добавил. Мэтт расплатился, взял теплую, пахнущую дымом коробку и вышел. Обратно он ехал медленно, вглядываясь в узкую дорогу. Когда фары его машины осветили фасад дома, Мэтт вздрогнул. На мгновение ему показалось, что в одном из окон на втором этаже, в его спальне, горит тусклый, желтоватый свет. Он моргнул, и видение исчезло. Тьма, ровная и абсолютная. Игра света в мокрых ветках. Или усталость. «Нет, — сказал он себе, — просто показалось». Он поставил машину и вошел в дом. Включил свет в холле и на кухне, стараясь не смотреть в темные провалы неосвещенных комнат. Достал из коробки «Кухня» единственную тарелку и кружку. Налил виски в пластиковый стаканчик — янтарная жидкость плеснулась о стенки — и уселся за кухонный стол из бледно-зеленого пластика, хромированные ножки которого холодили даже через джинсы. Пицца была жирной, пересо-

ленной и странно вкусной. Он жевал, запивал виски и слушал дом. Скрип. Шелест. Вдох ветра в дымоходе, похожий на человеческий. И самый страшный звук — звук абсолютной, всепоглощающей тишины между этими шорохами. Тишины, которая наблюдала за ним из темных углов. Он уже собирался скомкать жирную салфетку и бросить ее в пустую коробку, когда тишину нарушил звук — не тот, что доносился снаружи. Уханье совы или шорох веток за окном уже стали почти привычным фоном, белым шумом этого места. Новый звук шел изнутри дома. Тихий, отчетливый шорох. Словно кто-то провел ногтем по обоям где-то в коридоре. Мэтт замер. Пластиковая вилка так и осталась висеть в воздухе. Он весь обратился в слух, и тишина, навалившаяся следом, была даже хуже самого звука. Густая, выжидающая. Он медленно, стараясь не скрипнуть стулом, положил вилку на край коробки. Сердце бухало где-то у горла, но разум, тренированный годами отладки кода, тут же принялся выстраивать логические цепочки. Старый дом. Перепады температуры. Рассыхающиеся половицы. Сквозняки. В трубе могла поселиться птица. Звук повторился. На этот раз — ближе, со стороны холла. Не царапанье, а легкое, почти невесомое шуршание, какое мог бы производить край тяжелой портьеры, если бы кто-то задел ее, проходя мимо. Проблема была в том, что портьеры, тронутые плесенью, висели в гостиной абсолютно неподвижно, когда он проходил там в последний раз. И в доме, кроме него, никого не было. Он должен

был пойти и проверить. Это было не храбростью — храбрость тут была ни при чем. Это было той самой прагматичной необходимостью, которую диктует разум, чтобы не дать страху пустить корни. Не проверишь сейчас — будешь лежать всю ночь, вглядываясь в темноту и вздрагивая от каждого вдоха. Мэтт встал, стараясь производить как можно больше шума. Пусть незваный гость, будь томышь или заблудившийся енот, знает, что хозяин идет. Он вышел в коридор, включая свет везде, где только можно. Старая люстра в холле залила пространство тусклым, желтоватым светом, отбрасывая длинные, уродливые тени от резных перил лестницы. Гостиная встретила его тишиной и неподвижностью. Пылинки лениво кружились в луче света, который он включил и здесь. Тени за колоннами и в углах стали только гуще. Мэтт медленно обошел периметр, заглянул за тяжелые шторы — пусто. Скрипнула половица под его ногой, и эхо прокатилось по комнате. Шорох раздался снова, прямо над головой. На втором этаже. Легкое, быстрое тук-тук-тук, словно мелкие камешки покатались по деревянному полу в коридоре у спален. И снова — тишина. Мэтт выдохнул, собираясь с духом. Его воображение, подстегнутое одиночеством и виски, уже рисовало картины одну мрачнее другой. Он взял с кухонного стола тяжелый фонарик — одну из немногих вещей, которую он предусмотрительно держал под рукой, — и начал подниматься по лестнице. Каждая ступенька встречала его знакомой жалобной нотой. Свет фонаря выхватывал

из мрака ключья старых обоев, картины, которых не было, на стенах, дверные проемы. Он остановился на верхней площадке. Тишина. Только стук его собственного сердца да тихое гудение ветра снаружи. Луч света пробежал по дверям: его спальня, кабинет, гостевая, ванная. Все двери были открыты так, как он их оставил. И тут он услышал это снова — не шорох, а едва уловимое, вибрирующее мурлыканье, доносящееся из комнаты, которую он определил под кабинет. Звук был настолько неожиданным, таким домашним и инородным в этой заброшенной громаде, что Мэтт на мгновение застыл, осмысливая его. Мурлыканье? Здесь? Луч фонаря метнулся в комнату, обшаривая пустой угол с компьютерным столом, провода, коробки. Луч выхватил два зеленых огонька, сверкнувших из-под стола. Мэтт вздрогнул, выругавшись сквозь зубы, но почти сразу же облегчение растеклось по телу. Кошка. Обычная серая кошка с белой грудкой и настороженными ушами. Она сидела, сжавшись в комок, прямо на связке кабелей, и смотрела на него немигающим взглядом. По тому, как она не бросилась наутек, а лишь сильнее замурлыкала, Мэтт понял, что она здесь не в первый раз. Вероятно, дом пустовал достаточно долго, чтобы стать ее территорией. А может, она просто зашла погреться через какую-нибудь отдушину в подвале. — Ну, привет, — тихо произнес он, опуская фонарик, чтобы не слепить животное. Голос в пустом доме прозвучал глухо, но кошка, кажется, восприняла это как приглашение. Она медленно, с гра-

цией, присущей только кошкам, вышла из своего укрытия, не переставая мурлыкать, словно маленький моторчик. Потерлась боком о ножку стола, а затем, к его удивлению, направилась прямо к нему. Мэтт присел на корточки и протянул руку. Кошка обнюхала его пальцы, ткнулась в них влажным носом и, сделав окончательный вывод, боднула его ладонь головой, требуя ласки. Он погладил ее. Шерсть была мягкой, теплой и немного влажной от уличной сырости. Это простое, живое тепло посреди холодного, мертвого дома показалось ему невероятным подарком. Оно вернуло чувство реальности. Кошка — это не призрак, не скрип рассохшихся досок. Это жизнь. Он почесал ей за ухом, и она зажмурилась от удовольствия, подставляя шею. — Ты меня напугала, знаешь? — прошептал он. Кошка, разумеется, не ответила. Вместо этого она подошла к двери, оглянулась на него и тихо, требовательно мяукнула. Желание было ясным: выпусти. Он прошел за ней вниз по лестнице, чувствуя себя немного глупо, но в то же время успокоенно. Ее маленькая фигурка грациозно скользила впереди по темному коридору, словно привидение. У входной двери она остановилась и вновь посмотрела на него. Мэтт открыл тяжелую створку. Порыв сырого ночного воздуха ворвался внутрь. Кошка, бросив последний взгляд, бесшумно растворилась в темноте, словно и не было ее вовсе. Тишина тут же сомкнулась, став еще более глубокой. Он запер дверь, чувствуя странную пустоту после этого мимолетного контакта. Одиночество теперь ощу-

щалось острее, став физически ощутимой субстанцией, которой был наполнен дом. Поднявшись в спальню, он разделся до белья и лег на матрас, брошенный прямо на пол. Комнату освещал только тусклый свет с первого этажа, пробивающийся сквозь щель в дверях. Потолок над ним казался бесконечно высоким, а тени в углах — бездонными. Сон не шел. Мэтт лежал, глядя в темноту, и мысли, которые он так старательно глушил дневными хлопотами и дорожной усталостью, начали выползать из своих углов. Он думал о Саре. Не о том, как она вывозила вещи из их квартиры — это был финал, закономерный и пустой. Он думал о начале. О маленькой квартирке на окраине Сан-Франциско, которую они сняли сразу после колледжа, когда он получил свою первую работу в стартапе. Вспомнил запах краски, которой они красили стены в гостиной, смех Сары, перепачканный в бирюзовом, и тот момент, когда она, не удержавшись на стремянке, упала прямо в его объятия, опрокинув банку с краской на пол. Они тогда смеялись до слез. Это была жизнь, полная планов. Он вспомнил их первую серьезную ссору — глупую, из-за денег. Вспомнил, как она плакала в ванной, думая, что он не слышит, и как он сидел под дверью, не решаясь постучать. Вспомнил, как постепенно смех в их доме становился все тише, как совместные ужины превратились в синхронное поглощение еды перед экранами ноутбуков. Два трудоголика, живущие параллельными жизнями. Она — в своем мире финансового консалтинга, он — в бесконечных строках кода.

Их любовь не взорвалась, не закончилась изменой или громким скандалом. Она просто усохла, превратилась в привычку, в пустую оболочку. И когда Сара сказала, что уходит, в ее глазах была не злость, а усталость. Глубочайшая, вселенская усталость от человека, который стал чужим. И вот он здесь, в доме, который был под стать его внутреннему состоянию — огромной, полуразрушенной, скрипящей оболочкой, полной призраков прошлого. Он купил его, потому что в глубине души, наверное, считал, что заслужил именно такое место. Не уютное гнездышко, а холодный склеп для воспоминаний. Мэтт тяжело вздохнул и перевернулся на бок, обхватив подушку. Где-то вдалеке, на грани слышимости, снова раздался скрип, но теперь он не стал проверять. Будь то половицы, ветер или серая кошка, вернувшаяся другим путем, — это было неважно. Дом жил своей жизнью, и Мэтту оставалось только принять это. Но прежде чем забыться тяжелым, поверхностным сном без сновидений, он успел подумать, что скрип этот был ритмичным, равномерным, как шаги человека, меряющего коридор за стеной. Дом милый дом. Добро пожаловать домой, Мэтт.

Глава 2: Станный гость

Глава 2: Гость

Солнце, пробившееся сквозь немытые, затянутые паутиной окна спальни, разбудило Мэтта резко и безжалостно, словно кто-то невидимый сдернул с него одеяло. Он зажмурился, перекатился на спину и несколько секунд просто смотрел в высокий лепной потолок, по которому, словно крошечные духи, плясали пыльные зайчики. Сознание возвращалось толчками, как рваная кинопленка: сначала пришло ощущение чужого, жесткого матраса под спиной, затем — запах старого дерева, пыли и чего-то сладковатого, напоминающего увядшие лилии, а потом и память услужливо подкинула вчерашние события. Дом. Переезд. Шорохи. Кошка. И эти ритмичные шаги в коридоре, которые он так убедительно списал на сквозняки. При дневном свете ночные страхи казались почти нелепыми, как детские сказки у костра, но осадок остался — липкий, холодный, засевший где-то в груди. Он сел, хрустнув шеей, и оглядел комнату. В солнечных лучах спальня выглядела почти дружелюбно: выцветшие обои в мелкий, едва различимый цветочек, массивный плинтус цвета слоновой кости, широкая подоконная доска, на которой лежал слой пыли толщиной в палец. Мэтт провел по ней рукой, стирая многолетнюю грязь, и на мгновение задумался, сколько людей до него точно так же проводили рукой по этому

самому месту, стоя у этого самого окна. Поднявшись, он натянул джинсы и футболку и босиком вышел в коридор. Половицы под ногами скрипнули — привычно, почти успокаивающе. Дом встретил его тишиной, но теперь эта тишина была обычной пустотой большого пространства, лишенной той гнетущей, выжидающей ноты, что звучала в ней ночью. Он спустился на кухню, и его шаги гулким эхом разнеслись по лестничному пролету. Включил кофемашину — ее шипение и бульканье разрезали утреннюю тишь, наполняя кухню современным, индустриальным звуком, таким чуждым этим старым стенам. Аромат свежего кофе начал вытеснять затхлый дух прошлого, и Мэтт с наслаждением вдохнул его полной грудью. Он налил себе кружку, достал из холодильника пакет молока — тот самый, что купил еще на заправке по пути в Битвуд, — и, плеснув немного в кофе, поставил пакет на стол. Молоко было холодным, он ощутил это кончиками пальцев, и капли влаги на картоне блестели в утреннем свете. Потом достал из коробки пачку соленых крекеров, высыпал горку на блюдо и уселся за пластиковый стол, глядя в окно на заросший задний двор. Там, в высокой пожухлой траве, виднелся старый колодец, над которым склонились узловатые ветви яблони, покрытые седым мхом. Вся картина была пронизана увядающим покоем, и на мгновение Мэтту показалось, что из темного проема колодца на него кто-то смотрит. Он тряхнул головой, отгоняя глупую мысль, и сосредоточился

на завтраке. Покончив с крекерами и допив кофе, он прошел в кабинет. Предстоял первый полноценный рабочий день на новом месте, и мысль о том, чтобы погрузиться в привычный мир кода, в стройные алгоритмы и логические цепочки, казалась спасительной. Он включил системный блок, и холодный белый свет мониторов озарил угол комнаты, создавая резкий контраст с теплым, пыльным светом, льющимся из окна. Интернет работал стабильно, VPN до офиса поднялся без проблем. На несколько часов Мэтт полностью исчез из реальности Битвуда. Пальцы привычно летали по клавиатуре, выбивая дробь, а глаза сканировали строки логов. Это была его стихия — контролируемый хаос, который можно упорядочить, отладить, подчинить. В отличие от хаоса жизни, который не поддавался никакой отладке. Из глубокого транса его вырвал звук. Не скрип разошедшей половицы и не шорох мыши за плинтусом — звуки, к которым он уже почти привык. Это был четкий, размеренный стук. Три тяжелых удара во входную дверь. Громкие, весомые, они эхом разлетелись по всему дому, проникли в каждую щель, докатились до кабинета и вонзились Мэтту прямо в сердце. Он вздрогнул всем телом и уставился на дверной проем кабинета, ожидая, что звук повторится. И он повторился — на этот раз еще более настойчиво, с той же равномерной, почти ритуальной тяжестью. Три удара. Пауза. Три удара. Мэтт медленно, стараясь не производить

ни звука, поднялся из-за стола. Сердце колотилось где-то у горла, а ладони мгновенно вспотели. Он никого не ждал. Никто не знал его точного адреса, кроме риелтора, но тот прислал все документы электронной почтой и явно не горел желанием навещать проданный объект. Может, доставка? Но он ничего не заказывал. Может, местные коммунальщики? Но он не подавал никаких заявок. Он подошел к двери кабинета и выглянул в коридор. С верхней площадки лестницы ему была видна входная дверь — массивная дубовая створка с витражной вставкой. Через мутное цветное стекло, изображавшее какой-то блеклый цветочный орнамент, он различил темный силуэт. Искаженный, зыбкий, но отчетливо человеческий. Фигура стояла абсолютно неподвижно, просто ждала, и в этом неподвижном ожидании было что-то неестественное, нечеловеческое. Никакого переминания с ноги на ногу, никакого покашливания или вздоха — только черный силуэт за стеклом. Внутренний голос, древний, как сам инстинкт самосохранения, кричал ему: «Не открывай! Отойди от двери, не подавай признаков жизни!» Но парализующий страх смешивался с глупым, жгучим любопытством, а также с остатками рационального мышления, которое твердило, что бояться нечего, что это, скорее всего, просто сосед или разносчик пиццы, который ошибся адресом. В конце концов, это его дом, и прятаться в собственной крепости, словно загнанный зверь, было унижительно. Он

заставил себя спуститься. Каждая ступенька предательски скрипела под его весом, объявляя о его приближении. Он взялся за тяжелую, холодную ручку, сделал глубокий вдох, словно перед прыжком в воду, и рывком открыл дверь. На крыльце стоял мужчина. Высокий, неестественно худой, словно его вытянули на дыбе, он носил длинное темное пальто из тяжелой шерсти, явно не по сезону — на дворе стояла ранняя осень, и воздух был лишь слегка прохладен, но пальто было застегнуто на все пуговицы. Потертый бархатный воротник лоснился от времени. Лицо гостя было бледным до прозрачности, словно вылепленным из старого воска, который вот-вот начнет плавиться. Резко очерченные скулы, впалые щеки, тонкие, почти бескровные губы, растянутые в вежливой, но совершенно не затрагивающей глаз улыбке. Глаза — вот что поражало больше всего. Глубоко посаженные, темные, они напоминали два высохших колодца, на дне которых не было ни света, ни тепла, ни даже отражения Мэтта. Возраст его определить было трудно: ему можно было дать и пятьдесят, и семьдесят, а то и вовсе сто лет — казалось, время обходило его стороной, оставляя лишь эту восковую маску. Редкие седые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий, благородный лоб. В руках он держал небольшую плетеную корзинку, накрытую чистой клетчатой тканью, из-под которой поднимался тонкий, сладковатый аромат свежей выпечки. — Мистер Хатсон? — произнес он, и голос

его был под стать внешности: мягкий, вкрадчивый, с каким-то старомодным, почти радиопостановочным тембром, с легкой хрипотцой на нижних частотах. — Простите за столь бесцеремонное вторжение. Меня зовут Сайлас Кобб. Я ваш сосед. Ну, в той мере, в какой это слово вообще применимо к здешним диким местам. Я обитаю примерно в миле к северу отсюда, через лес. Мэтт уставился на него, пытаясь переварить информацию. Сосед? Он не видел никаких домов по дороге, кроме своей усадьбы, и уж тем более не заметил никаких признаков жилья в лесу, который казался бесконечным и первозданным. Но вчера, у пиццерии, Эрл говорил о доме как о чем-то известном в округе, так что, возможно, местные действительно знали друг друга. — Добрый день, — выдавил он, чувствуя, как слова застревают в пересохшем горле. — Я не знал, что у меня есть соседи так близко. Признаться, я думал, что здесь на много миль вокруг ни души. Сайлас Кобб слегка наклонил голову, и его улыбка стала чуть шире, отчего в уголках губ прорезались глубокие, похожие на шрамы, складки. В этом жесте было что-то птичье, какая-то механическая плавность. — О, здесь, в глуши, не принято лезть друг к другу без приглашения, — сказал он, и в его голосе прозвучала нотка иронии. — Но когда я вчера вечером увидел свет в окнах старого дома Хэмптонов, огонь, которого не было пятнадцать лет, я счел своим непреложным долгом засвидетельствовать почтение новому владельцу.

Вы, мистер Хатсон, первый жилец за полтора десятилетия. Это, без преувеличения, историческое событие для наших краев. Не желаете ли отметить его скромным гостинцем? — Он протянул корзинку. Мэтт машинально взял ее. Корзинка оказалась на удивление теплой, и он почувствовал, как через прутья и ткань исходит мягкое, живое тепло. Под тканью обнаружились домашние булочки, посыпанные сахарной пудрой, еще совсем теплые, и стеклянная банка какого-то густого, темного варенья, перевязанная бечевкой. Жест был почти трогательным, пасторальным, но что-то в этом человеке, в его неподвижных глазах и застывшей улыбке, заставляло желудок Мэтта сжиматься в тугой, холодный узел. — Спасибо, — пробормотал он, перехватывая корзинку поудобнее. — Это очень любезно с вашей стороны. Но позвольте спросить: откуда вы знаете мое имя? Я ведь еще ни с кем толком не знакомился. Сайлас издал тихий, сухой смешок, похожий на шелест бумажных страниц, переворачиваемых ветром. — В маленьких городках, подобных Битвуду, новости разносятся с быстротой лесного пожара, мистер Хатсон. Особенно когда кто-то покупает такой примечательный и, не побоюсь этого слова, легендарный дом. Люди здесь любят поговорить. Эрл, кажется, упоминал на днях, что новый хозяин дома Хэмптонов — человек из большого города, работает с компьютерами. Программист, насколько я понял? — Его глаза на мгновение блеснули, и Мэтту показалось, что

он видит в их бездонной глубине что-то оценивающее, изучающее, словно его рассматривали под микроскопом. — Вы не пригласите меня войти? Я бы с превеликим удовольствием рассказал вам немного об истории этого места. Вам, как новому владельцу, это может быть не просто полезно, а жизненно необходимо. Мэтт колебался. Все инстинкты, все древние, глубинные механизмы выживания кричали: «Нет! Захлопни дверь! Не впускай его!» Но вежливость — та самая социальная смазка, которую вбивают в нас с детства, дурацкая привычка быть удобным и неконфликтным, — взяла верх. К тому же, информация о доме действительно была нужна. Он понятия не имел, что это за дом, кто в нем жил и почему он пустовал так долго. Он отступил в сторону, открывая дверь шире. — Конечно, проходите. Чувствуйте себя как дома. Сайлас Кобб перешагнул порог с такой легкостью и естественностью, словно он был здесь сотни раз, словно этот дом был его собственным. Он не стал оглядываться по сторонам, разглядывая обстановку, как сделал бы любой нормальный гость, оказавшийся в незнакомом месте. Вместо этого он целенаправленно, не колеблясь ни секунды, прошел прямо в гостиную и остановился у массивного камина, положив свою длинную, бледную, почти прозрачную руку на мраморную полку, украшенную резными грифонами. Его пальцы, казалось, не отбрасывали тени в тусклом свете. — Чудесная комната, — произнес он тихо, почти

благоговейно, и его голос странным образом резонировал с пространством, словно сами стены подпевали ему. — Акустика здесь превосходная, обратили внимание? Покойный доктор Хэмптон, первый владелец этого дома и весьма уважаемый в городе хирург, часто устраивал здесь музыкальные вечера. Его супруга, Беатрис, играла на рояле. Инструмент стоял вот здесь, у эркера, и гости рассаживались полукругом, наслаждаясь Шопеном и чаем. — Он указал длинным пальцем в угол комнаты. Мэтт поставил корзинку на пол у входа и невольно посмотрел на пустой, залитый солнцем угол. Там действительно виднелись глубокие царапины на паркете, расходящиеся веером, словно от тяжелого инструмента, который передвигали много раз. Он не заметил их раньше. — Вы, кажется, очень хорошо знали прежних владельцев, — сказал он осторожно, надеясь увести разговор в практическое русло и получить хоть какую-то конкретную информацию. Сайлас медленно обернулся, и его лицо наполовину скрылось в густой, бархатной тени от тяжелой портьеры, так что видна была только его застывшая полуулыбка. — Я знаю всех, кто когда-либо жил в этом доме, мистер Хатсон, — ответил он, и в его голосе прозвучала странная, собственническая, почти интимная нотка. — Это моя, скажем так, семейная традиция. Я своего рода неофициальный историограф этого места. Хэмптоны были первыми, они построили этот дом в 1887 году. Доктор Хэмптон умер прямо здесь, в этой

гостиной, от сердечного приступа, слушая игру жены. За ними пришли Уэллсы — шумная семья с пятью детьми, которые прожили здесь всего год и съехали после того, как их младшая дочь заявила, что видит по ночам «высокого человека» у своей кровати. Потом была молодая пара из Нью-Йорка, Коулманы, которые мечтали открыть гостиницу в этом доме. Они сделали ремонт, завезли мебель, но через три месяца исчезли, просто оставили все и уехали в неизвестном направлении. Потом... — он сделал паузу, и улыбка на мгновение исчезла с его губ, оставив лишь холодную, безжизненную маску. — Потом дом пустовал. Он не каждого принимает. Мэтт ощутил, как по спине пробежал ледяной ручеек. Слова Сайласа звучали двусмысленно, почти угрожающе, как предостережение, замаскированное под историческую справку. Он попытался перехватить инициативу, придать разговору более легкий тон. — Что вы имеете в виду под «принимает»? Звучит так, будто дом — живое существо. Сайлас вновь улыбнулся, но на этот раз улыбка была снисходительной, терпеливой, обращенной к несмышленому ребенку, который задает глупые вопросы. — О, не обращайте внимания на стариковское брюзжание, мистер Хатсон. Просто старые дома, особенно такие, как этот, обладают собственным, весьма выраженным характером. Этот — в особенности. Он требует к себе уважения. И, как мне кажется, он предпочитает определенный тип жильцов. Одиночек. Спокойных. Тех,

кто не нарушает его покой шумными вечеринками, детским смехом и бесконечной суетой. Вы живете один, не так ли? Вопрос был задан тем же мягким, почти гипнотическим тоном, но в нем чувствовался глубокий, неприятный подтекст. Мэтт невольно кивнул.— Да. Совсем один. Разведен, детей нет. Сайлас удовлетворенно кивнул, словно услышал именно то, что хотел услышать.— Это очень хорошо, — почти прошептал он, и его шепот странным образом разнесся по всей комнате. — Дом предпочитает одиночек. Шумные семьи, гости, дети... им здесь неуютно. Они долго не задерживаются. Мне кажется, у вас с домом сложатся совершенно особые, гармоничные отношения. Пауза затянулась, наполняясь невысказанными словами и тенями, которые, казалось, стали чуть гуще. Мэтт уже откровенно жалел, что впустил этого человека. Разговор становился все более сюрреалистичным, уводя куда-то в область, которую он не понимал и понимать не хотел. Он решил сменить тему, вернуться к банальной вежливости.— Могу я предложить вам кофе? У меня, правда, пока только растворимый, но вода горячая. Сайлас покачал головой и медленно, почти нехотя оторвал руку от каминной полки.— Нет, благодарю вас. Мне пора идти. Я лишь хотел поприветствовать нового соседа и передать небольшой подарок к новоселью. И, возможно, дать вам один маленький совет, если вы позволите мне эту вольность. Он сделал шаг к Мэтту, и внезапно его

рост оказался неестественно большим — он нависал над Мэттом, заставляя его инстинктивно отступить на шаг назад. Вблизи его кожа казалась еще более неживой, а от пальто исходил слабый, едва уловимый запах сырой земли и дыма. — Не ходите в подвал после заката, — произнес он тихо, почти интимно, склонив голову к самому уху Мэтта. — Там стоит старый котел, и он иногда... шумит. Весьма неприятно, может напугать неподготовленного человека. И еще — если вдруг услышите шаги на третьем этаже в те часы, когда вы совершенно одни, просто игнорируйте их. Это сквозняки гуляют по старым коридорам. Дом дышит, и дыхание его иногда бывает громким. Мэтт открыл рот, чтобы хоть что-то ответить, но Сайлас Кобб уже скользнул мимо него в коридор с той же плавной, почти бестелесной грацией. Его шаги по скрипучему дубовому паркету были почти беззвучными, лишь легкое дуновение холодного воздуха прошло следом. У входной двери он на мгновение обернулся и бросил последний взгляд — взгляд из бездонных колодцев, в котором не было ни злобы, ни угрозы, но было что-то гораздо худшее: абсолютная, всезнающая уверенность. — Приятного вам вечера, мистер Хатсон. И помните: вы здесь не один. Дверь закрылась за ним с мягким, почти неслышным щелчком. Мэтт остался стоять в холле, глядя на массивную дубовую створку и пытаясь осознать произошедшее. Сердце все еще колотилось где-то в горле, а ладони были липкими от пота. Однако

спустя мгновение он встряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и быстро подошел к окну гостиной. Отодвинув тяжелую портьеру, он выглянул наружу. Сквозь пыльное стекло он увидел, как высокая, сутулая фигура в темном пальто неторопливо, размеренным шагом движется по подъездной дорожке. Старик не исчез, не растворился в воздухе, как ночной призрак, — он просто шел, чуть прихрамывая на левую ногу, к опушке леса. Дойдя до густых деревьев, он свернул на едва заметную, заросшую тропинку и скрылся в подлеске. Обычный человек, ушедший обычным путем. Мэтт выдохнул и нервно усмехнулся, чувствуя, как отпускает напряжение, сковывавшее плечи. «Ну и воображение у тебя, Хатсон, — подумал он, качая головой. — Напридумывал черт-те что». Старик, конечно, был странным, даже жутковатым — эти его загадочные фразочки, этот старомодный, похоронный вид, словно он сошел со страниц готического романа. Но по сути — что такого? Одиноким сосед, вероятно, немного тронувшийся умом от долгого одиночества, пришел поприветствовать нового жильца. Принес теплые булочки, домашнее варенье. Жест был искренним и, в общем-то, трогательным. Его слова о доме — просто местный фольклор, байки, которыми старожилы пугают новичков. А предостережения? Ну, в каждом маленьком городе есть свои страшилки про старые дома. Мэтт имел дело с компьютерными алгоритмами, с четкой, бинарной логикой, а не с призраками и

проклятиями. Он не собирался верить в подобную чушь. Он запер входную дверь на тяжелый засов и поднял с пола корзинку. Булочки все еще пахли восхитительно — сладким дрожжевым тестом, ванилью и чем-то еще, возможно, кардамоном. Аромат наполнял холл, перебивая затхлый запах старого дома. Вернувшись на кухню, он поставил корзинку на стол, рядом с пакетом молока, который так и остался стоять с утра. Налил себе еще одну кружку кофе — на этот раз растворимого, для бодрости, — и плеснул в него остатки молока из пакета. Кофе получился обжигающим и сладковатым. Он сделал пару глотков, задумчиво глядя на заросли за окном, на старый колодец и покосившуюся яблоню. «Сайлас Кобб, — повторил он про себя имя, пробуя его на вкус. — Странное имя. Надо будет как-нибудь прогуляться к северу, посмотреть, что там за дом. Может, и вправду нормальный сосед, просто с чудиной». С этой мыслью он оставил пакет молока на столе — убирать в холодильник было лень, — и вернулся в кабинет, чтобы продолжить работу. Работа поглотила его с головой. Строки кода сменяли одна другую, баги исправлялись, алгоритмы выстраивались в стройную, логичную цепочку. Он с головой ушел в привычную рутину, и дом вокруг перестал существовать. Лишь изредка он отрывал взгляд от монитора, чтобы размять затекшую шею, и тогда скрип половиц или далекий, едва слышный стук ветки по стеклу заставляли его на мгновение замереть и прислушаться. Но,

вспомнив совет Сайласа, он лишь усмехался и возвращался к работе. «Дом дышит, — повторял он про себя с иронией. — Это просто сквозняки». Ближе к полудню желудок требовательно заурчал. Мэтт потянулся, чувствуя, как ноют плечи и спина, и спустился на кухню, планируя приготовить себе нормальный, горячий обед. В холодильнике нашлась упаковка бекона, несколько яиц и остатки вчерашней пиццы, которая уже начала черстветь. Он решил соорудить яичницу с беконом — быстро, сытно и минимум грязной посуды. Достал тяжелую чугунную сковороду, включил старую газовую плиту, которая зажглась с негромким хлопком, и принялся за готовку. Бекон зашкворчал, наполняя кухню аппетитным, солоноватым ароматом. Он машинально, не глядя, потянулся к столу за пакетом молока — хотел добавить немного в кофе, который как раз заваривал. Но рука схватила пустоту. Пальцы сомкнулись на воздухе там, где должен был стоять прохладный картонный пакет. Мэтт повернул голову. На столе, на вытертой клеенке, стояла только пустая кружка из-под утреннего кофе с засохшей кофейной гущей на дне, блюдце с крошками от крекеров да плетеная корзинка, накрытая тканью. Пакета молока не было. Он нахмурился, чувствуя, как где-то в глубине живота зарождается холодный, липкий комок. Он точно помнил, что оставил пакет именно здесь, на этом самом месте, примерно час назад, перед тем как уйти в кабинет. Он отчетливо, во всех деталях помнил, как плескал молоко в

кофе, как ставил тяжелый, запотевший пакет обратно на стол и думал: «Уберу потом, сейчас лень». Но «потом» пакет исчез, испарился, словно его никогда и не было.— Что за черт? — пробормотал он вслух, и его голос в пустой кухне прозвучал глухо, неубедительно, почти испуганно. Он начал поиски. Открыл холодильник — на полке лежал только бекон, яйца и початая пачка масла. Проверил морозилку — пустые формочки для льда. Заглянул в шкаф с кастрюлями, в ящик для овощей, на подоконник, даже под стол. Ничего. Пакет с молоком исчез бесследно, словно его стерли из реальности. Мэтт остановился посреди кухни, уперев руки в бока, и попытался мыслить логически, включить холодный, рациональный ум. Вариантов было немного. Либо он сам, погруженный в мысли о коде и о странном госте, машинально убрал молоко в какое-то совершенно нелогичное место и теперь забыл об этом — но он обыскал всё, абсолютно всё. Либо... либо в доме кто-то был. Эта мысль ледяным ручейком пробежала по позвоночнику и растеклась холодом в животе. Кто-то посторонний, чужой, вошел на кухню, пока он, увлеченный, работал в кабинете, и взял пакет молока. Это звучало абсурдно, параноидально, но другого объяснения не находилось. Дверь была заперта изнутри на засов. Окна первого этажа закрыты. Неужели тот старик вернулся? Или кто-то еще, кто-то, кого он не видел, проник в дом и теперь прячется в одной из бесчисленных комнат? Он тщательно, метр за метром,

обошел весь первый этаж. Проверил гостиную — заглянул за тяжелые портьеры, в темный угол за камином. Пусто. Только пылинки танцевали в солнечных лучах. Столовая — заглянул под массивный овальный стол, за громоздкий буфет. Та же пустота. Чулан под лестницей, забитый старыми коробками и сломанными стульями, — никого. Тишина была абсолютной, давящей, и в ней каждый его шаг, каждый скрип половицы звучал оглушительно громко. Затем он поднялся на второй этаж, проверяя каждую спальню, заглядывая в стенные шкафы, под кровати, оставленные прежними жильцами. В ванной комнате он отдернул старую, пожелтевшую занавеску — никого. Собственное отражение в мутном зеркале показалось ему бледным и затравленным. Он поднялся на третий этаж, в комнаты прислуги, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Там было душно, пахло сухим, горячим деревом и пылью. Он заглянул в обе каморки — ни души. Только инициалы «А.К.», нацарапанные на стене, смотрели на него. Дом был абсолютно пуст, если не считать его самого и его тени. Он вернулся на кухню и остановился у стола, глядя на пустое место, где еще недавно стоял пакет молока. Яичница на сковороде уже начала подгорать, и он машинально, на автопилоте, выключил плиту. Аппетит пропал напрочь. В голове крутилась навязчивая, сверлящая мысль: «Этого не может быть. Я оставил его здесь. Я точно, стопроцентно оставил его здесь». Он чувствовал, как рациональная, крепкая часть

его сознания трещит по швам, пытаюсь найти хоть какое-то разумное объяснение. Может, он выпил молоко и выбросил пакет в мусорное ведро? Он заглянул в ведро. Там лежала лишь пустая коробка из-под крекеров, яичная скорлупа и использованный чайный пакетик. Никакого молочного пакета. Он сел за стол, подперев голову руками, и потер виски, в которых начинала пульсировать тупая боль. Усталость. Стресс. Нервное истощение. Долгая дорога через два штата, тяжелый переезд, бессонная ночь, странный визит Сайласа Кобба. Мозг просто играет с ним злые шутки, накладывая одно на другое, создавая иллюзию пропажи. Это самое вероятное, научно обоснованное объяснение. Но маленькая, колючая, иррациональная мысль продолжала свербеть где-то в глубине: а что, если нет? Что, если в этом доме действительно что-то происходит? Что-то, чему нет логического объяснения? Он заставил себя съесть остывшую, подгоревшую яичницу, почти не чувствуя вкуса. Запил ее черным, горьким кофе, потому что молока теперь не было. За окном начало темнеть. Ранние осенние сумерки уже сгущались среди деревьев, окрашивая небо в холодные сиреневые тона. Обычно он любил это время — время покоя и тишины, — но сегодня тишина дома казалась ему не пустой, а выжидающей, наполненной чьим-то невидимым присутствием. Словно дом прислушивался к нему, наблюдал за его реакцией, оценивал его страх. Весь остаток дня он попытался снова работать, но сосредоточиться не

получалось. Каждый скрип половицы, каждый шорох за стеной заставлял его поднимать голову и напряженно вслушиваться. Каждый стук ветки по стеклу отдавался эхом в висках. Он поймал себя на том, что постоянно оборачивается на дверь кабинета, ожидая увидеть там какое-то движение, темный силуэт. Но дверной проем оставался пустым и темным, и от этого было еще страшнее. Наконец, около десяти вечера, когда тьма за окнами стала абсолютной, он сдался. Выключил компьютер, спустился вниз, проверил замок на входной двери — тот был надежно заперт, засов задвинут. Включил свет в холле, на лестнице и в спальне, стараясь создать как можно больше освещенных островков безопасности. Ложась в постель, он не стал выключать лампу на прикроватной тумбочке. Маленькая лампочка под старым тканевым абажуром отбрасывала уютный желтый круг, за пределами которого сгущалась непроглядная, враждебная тьма. Он лег, уставившись в потолок, и мысли его снова и снова возвращались к пропавшему молоку. Это была такая мелочь, такая незначительная, бытовая деталь, но именно она не давала ему покоя. Потому что она не вписывалась в картину мира. Вещи не исчезают сами по себе. Кто-то взял этот пакет. И этот кто-то, скорее всего, все еще находится в доме, прячется в одной из комнат или подвале. Или... мог зайти снова. Он вспомнил слова Сайласа Кобба: «Вы здесь не один». Теперь они звучали не как философское замечание или стариковская причуда,

а как констатация факта. Может, старик был не просто сумасшедшим? Может, он пытался предупредить его о чем-то реальном, о чем-то, что обитает в этих стенах? Тишина в доме стала осязаемой, густой, как сироп. Она давила на барабанные перепонки, и в этой тишине любой, даже самый слабый звук казался оглушительным. Внезапно он услышал слабый, едва различимый шум. Не шаги и не скрип разошедшихся досок. Это был звук, похожий на тихое, монотонное капанье жидкости. Кап... кап... кап... Оно доносилось откуда-то снизу, возможно, из кухни. Или из подвала. Звук был мерным, усыпляющим, но в нем чудилось что-то неестественное, какое-то глубинное, вязкое эхо. Словно что-то густое и темное мерно падало на деревянный пол. Мэтт лежал, замерев, и слушал этот звук, боясь пошевелиться и выдать себя. А потом он понял, что рядом с этим капаньем ему слышится еще кое-что — тихое, едва различимое мурлыканье, доносившееся из-за двери спальни. Но он же выгнал кошку! Он сам открыл ей дверь прошлой ночью, и она ушла в темноту, растворилась в ней. Мурлыканье стало громче, настойчивее. И звук этот, к его безграничному ужасу, постепенно начал меняться, искажаться, складываться в нечто, похожее на слова. Неразборчивые, шепелявые, булькающие, но отчетливые слова. Будто кто-то невидимый пытался повторять одно и то же снова и снова, имитируя кошачье урчание, но вкладывая в него жуткий, извращенный смысл. «Мэ-э-

этт... Мэ-э-этт... Мэ-э-этт...» Он зажмурился до боли в веках, чувствуя, как холодный, липкий пот проступает на лбу, на висках, на груди. «Это игра воображения, — твердил он себе. — Этого не может быть. Этого просто не может быть». Но звук был реальным. Он проникал сквозь шум крови в ушах, сквозь бешеный, гулкий стук сердца. Тихий, вкрадчивый голос, мурлыкающий его имя прямо за дверью спальни, настойчиво, почти ласково. А потом голос превратился во что-то другое. В резкий, пронзительный, надрывной звук, который разорвал тишину, словно острый нож вспарывает полотно. Телефон. Мэтт дернулся всем телом и резко сел на матрасе, хватая ртом воздух, будто только что вынырнул из черной, ледяной воды. Сердце колотилось где-то в горле, а футболка насквозь промокла от пота, прилипнув к спине. В спальню сквозь немытые окна лился яркий, уверенный солнечный свет. Утро. Самое обычное, солнечное утро. На тумбочке надрывался его мобильник, вибрируя и подпрыгивая на деревянной поверхности. Стандартная, ненавистная мелодия будильника — резкая, противная, — которую он сам установил еще в Сан-Франциско. Он ошарашенно огляделся, пытаясь отделить реальность от липких, цепких остатков кошмара. Спальня выглядела ровно так же, как и вчера. Выцветшие обои в цветочек, массивный плинтус, пыль, танцующая в солнечных лучах. Никаких голосов. Никакого мурлыканья за дверью. Дверь, кстати, была приоткрыта ровно на ту

щель, которую он оставил, когда ложился спать. Мэтт дрожащей, непослушной рукой потянулся к телефону и отключил будильник. Тишина, наступившая вслед за этим, показалась ему самой прекрасной, самой благословенной музыкой.— Господи, — прошептал он, потирая лицо ладонями. — Это был сон. Всего лишь чертов сон. Он откинулся обратно на подушку, чувствуя, как адреналин медленно уступает место полному изнеможению. Дыхание постепенно выравнивалось, сердце замедляло свой бег. Он перебирал в памяти обрывки ночного кошмара, удивляясь тому, какими яркими, детальными, реальными они казались. Исчезнувшее молоко, мурлыкающий голос за дверью, ощущение чьего-то присутствия — каждая деталь была настолько осязаемой, что даже сейчас, при ярком свете дня, ему становилось не по себе. Мозг — удивительный, сложный инструмент, способный создать целый мир из обрывков стресса, усталости и пары странных совпадений. Он сел снова, спустил босые ноги на пол. Доски приятно холодили ступни. Это было реально. Это было сейчас. Он встал, подошел к окну и рывком раздвинул тяжелые шторы. За стеклом простирался его задний двор — запущенный, заросший, с тем самым старым колодцем и яблоней, покрытой мхом. Все было мирным, обыденным, залитым теплым золотистым светом ранней осени. Никакой угрозы, никакой мистики. Он глубоко вздохнул, наполняя легкие сухим, прохладным воздухом из приоткрытой щели в

раме. Он натянул джинсы и спустился на кухню, предвкушая чашку крепкого, горячего кофе. По привычке, выработанной годами, первым делом он направился к столу. И замер как вкопанный. На столе, прямо там, где он вчера оставлял завтрак, стояла пустая кружка с засохшей кофейной гущей, блюдец с крошками от крекеров и плетеная корзинка, накрытая тканью. Он перевел взгляд чуть левее, туда, где в его кошмаре зияла пустота. Пакет молока стоял на месте. Там же, где он его оставил вчера утром. Обычный картонный пакет, слегка запыленный, с синей пластиковой крышечкой. На боку — капелька влаги, скатившаяся по картону. Мэтт издал нервный, короткий смешок и покачал головой. Ну конечно. Сон спутал воспоминания, наложил одно на другое, создав иллюзию пропажи. Он подошел, взял пакет в руку, ощутил его приятную тяжесть и прохладу. Молоко внутри плескалось самым естественным, привычным образом. Никто его не забирал. Ничего не исчезало. «Вот тебе и странный гость, — усмехнулся он про себя, насыпая кофе в турку. — Старик Сайлас Кобб явно произвел на тебя более сильное впечатление, чем ты готов был признать. Впечатление, замешанное на стрессе переезда, на одиночестве и на всех этих дурацких байках про дом, который не каждого принимает, — отличный коктейль для ночного кошмара». Он приготовил кофе, плеснул в него того самого молока и с наслаждением сделал первый глоток. День только начинался. Солнце светило ярко, разгоняя

тени не только по углам старого дома, но и в его душе. Все странности вчерашнего дня теперь казались ему лишь нелепым стечением обстоятельств. Впереди была работа, обустройство дома и новая жизнь, в которой не было места призракам. Где-то на грани слышимости, в глубине старого дома, едва заметно скрипнула половица на третьем этаже, но Мэтт, увлеченный приготовлением завтрака и своими мыслями, даже не обратил на это внимания. Он был уверен — страхи остались во сне. И он ошибался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.